

Протокол допроса майора А. М. ПУГАЧЕВА

15 октября 1957 г. г. Новосибирск

Помощник военного прокурора Западно-Сибирского военного округа — подполковник юстиции Чурляев, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением ст. ст. 162-168 УПК ПУГАЧЕВА Афанасия Макаровича, 1913 года рождения, место рождения — г. Кемерово, заместитель командира в/ч 11012 — майор, женатый, с 1931 по 1952 г. в органах НКВД-МВД и с 1952 г. — в строительных частях Советской Армии, русский, образование 7 классов, из рабочих, не судимый, член КПСС с 1932 г. постоянн. местожительство — г. Томск-7, Осиньки, барак 3, кв. 6.

ПОДПИСКА: В соответствии со ст. 164 УПК я предупрежден об уголовной ответственности по ст. 95 УК за отказ от дачи показаний.

(А. ПУГАЧЕВ)

Вопрос: Из Ваших показаний от 14 октября 1955 г. вытекает, что в период массовых арестов советских граждан в 1937-1938 гг. арестовывались и ни в чем неповинные люди, а затем сотрудниками 3 отдела УНКВД Новосибирской области искусственно создавались из арестованных лиц различные контрреволюционные организации и группы. Правильно я Вас понимаю?

Ответ: Да, в период 1937-1938 гг. при производстве массовых арестов советских граждан 3 отделом УНКВД Новосибирской области арест производился по национальным признаниям, т. е. арестовывались немцы, китайцы, поляки, латыши, литовцы, эстонцы и другие национальности, при отсутствии иногда на этих лиц каких-либо материалов подтверждающих их принадлежность к какой-либо контрреволюционной организации. Из арестованных лиц создавались различные контрреволюционные группы и организации, а для облегчения следствия в отношении арестованных лиц начальниками отделения, в частности, ШЕСТОВИЦКИМ и ЭДЕНБЕРГОМ составлялись схемы контрреволюционных организаций и групп, где заранее указывались кто руководитель группы, кого он завербовал и с кем был связан по преступной деятельности. Каждому оперативному работнику давалась ими определенная группа арестованных лиц с указанием от какого арестованного какие нужно будет получить показания в соответствии составленным начальниками отделений схемами. Кроме схем и инструктажа иногда я лично получал от ЭДЕНБЕРГА и ШЕСТОВИЦКОГО образец протокола допроса, в соответствии которого писал протоколы допроса и вызывал арестованных лиц для их

подписания. Как я сказал раньше, что были случаи, когда протоколы допроса обвиняемых писались в отсутствие арестованных лиц, а они вызывались только для подписания. Вызванных арестованных для допроса или подписания протокола первоначально уговаривали о необходимости дачи таких показаний, разъясняли арестованным, что органам НКВД хорошо известно, что он никакого преступления не совершал, но такие показания нужны в целях очистки нашей Родины от контрреволюционного элемента, либо высылки из г. Новосибирска какого-либо консульства — немецкого, эстонского и других. Были случаи, что арестованные верили этому и подписывали протоколы. Когда же арестованные отказывались от подписания таких протоколов, тогда к таким арестованным применялись меры физического воздействия — ставили на ноги — выстойки или подвергали избиениям. Я лично за всю свою работу в 3 отделе арестованных не избивал, но на выстойки ставил и держал их на ногах пока не подпишут протокол. Это я делал потому, что тогда такие указания исходили от начальников отделений и отделов, в результате чего, применение выстойки считалось нормальным методом допроса, и в этом никто никого не стеснялся, и все это делалось в открытую. В результате этого, люди вынуждены были оговаривать себя и своих знакомых и близких в принадлежности к различным контрреволюционным организациям и группам

Вопрос: Расскажите, как часто и по каким делам Вам приходилось принимать участие в фальсификации уголовных дел в период Вашей работы в 3 отделе УНКВД Новосибирской области?

Ответ: За период своей работы в 3 отделе УНКВД Новосибирской области мне неоднократно приходилось принимать участие в фальсификации уголовных дел в отношении арестованных лиц, где я писал вымышленные протоколы допроса и применял к арестованным лицам меры психического и физического воздействия — к психическим мерам воздействия относятся различные уговоры о необходимости подписания протоколов якобы в интересах Советского правительства и Коммунистической партии, однако, агентуру для провокационных целей я не использовал и вообще камерной агентуры лично я не имел. К физическим мерам воздействия относятся в основном выстойки, которые в своей работе я также применял, как и другие оперативные работники. Протоколы допроса обвиняемых я действительно составлял вымышленные, т.к. при допросе арестованные, как правило, сами не давали признательных показаний о принадлежности к какой-либо контрреволюционной организации, а начальник отдела Иванов и начальники отделений, где мне приходилось работать, давали установки получать от арестованных только признательные показания о причастности арестованных к различным контрреволюционным организациям и прика-

звали протоколы писать с фактами практической антисоветской деятельности. Особое Совещание НКВД СССР не рассматривало дела. Больше того, бывало тогда напишешь протокол допроса обвиняемого без его практической антисоветской деятельности, но такие протоколы ИВАНОВЫМ и ЭДЕНБЕРГОМ возвращались мне для их пересоставления с целью насыщения протоколов практическими фактами, а так как обвиняемые сами не говорили о каких-либо практических антисоветских действиях, поэтому приходилось самому придумывать различные вымышленные факты: вредительства, террористических актов и диверсий, которых в действительности не было. По каким конкретно делам я принимал непосредственное участие в фальсификации уголовных дел, сейчас за давностью времени вспомнить всех не могу, но участие в фальсификации уголовных дел я принимал часто, так были сфальсифицированы нами дела под руководством ЭДЕНБЕРГА: дело по обвинению Пелло Карла Даниловича и других лиц в количестве 43 человек, которое было мне предъявлено для ознакомления 12 и 14 октября 1955 года. Так же хорошо помню, что под руководством ЭДЕНБЕРГА было сфальсифицировано цыганское групповое дело, часть цыган была арестована милицией за различные кражи и мошенничества, а другая часть цыган были артистами и прибыли в город Новосибирск на гастроли, которых ЭДЕНБЕРГ прямо в театре арестовал и привез в Особый корпус тюрьмы, где я, ГРИГОРЬЕВ и еще несколько молодых оперработников под руководством ЭДЕНБЕРГА принимали участие в расследовании этого дела. Помню, что ЭДЕНБЕРГОМ была составлена на арестованных цыган схема контрреволюционной шпионской организации, с указанием кто кого вербовал, кто являлся руководителем группы и дана была также схема протокола допроса цыган. В соответствии схем, полученных от ЭДЕНБЕРГА лично, я на несколько человек написал протоколы допроса. Хорошо помню, что лично ЭДЕНБЕРГ допрашивал руководителя этой контрреволюционной организации — Коль-дорас-Вишнякова, который долго не давал признательных показаний о своей принадлежности к контрреволюционной организации, его ЭДЕНБЕРГ держал на выстойке и в наручниках. Это я лично видел сам, когда по делам службы заходил в кабинет к ЭДЕНБЕРГУ, помню, что Кольдо-рас-Вишняков просил у ЭДЕНБЕРГА показать ему его жену цыганку Вишнякову, после чего, Кольдорас-Вишняков говорил, что подпишет написанный ЭДЕНБЕРГОМ протокол допроса. Я должен заявить, что хотя я лично принимал участие в фальсификации уголовных дел, однако это я делал не по своей инициативе, а по прямому указанию своих начальников, в частности, по делам Пелло Карла Даниловича и Кольдорас по указаниям ЭДЕНБЕРГА, не выполнять его указания я не мог, но, однако, все мое участие в фабрикации уголовных дел сводилось в написаниях¹ вымышленных протоколов допросов обвиняемых, сам же я ни одного человека не

арестовал, за все свое время в 3 отделе, ни одного следственного дела сам не оканчивал, ни одного обвинительного заключения не писал, а все время использовался для выполнения отдельных поручений, в основном, которые сводились к оформлению протоколов допроса обвиняемых в соответствии полученных указаний от ЭДЕНБЕРГА или ШЕСТОВИЦКОГО, с которыми мне больше всего приходилось работать в Особом корпусе тюрьмы по расследованию дел. Должен заявить, что в то время незаконные аресты советских граждан и фальсификация против их уголовных дел, о чем я чистосердечно показал на допросах, в период моей периодической работы в аппарате 3 отдела УНКВД Новосибирской области в 1937-1938 гг., в тот период я глубоко был убежден, что такая работа в 3 отделе организовывалась на основании приказов и директив НКВД СССР и УНКВД области. Будучи молодым по возрасту и неопытным по работе, сомневаться в преступности этих указаний я не мог, и к тому же, как вр. и. о. помощника оперуполномоченного райотдела НКВД, не имел никакого доступа для изучения действующих тогда приказов и директив НКВД СССР, на основании которых производились массовые аресты советских граждан и подобная практика следствия. Поэтому я, как и все другие оперативные работники, работавшие в Особом корпусе по расследованию дел в 1937-1938 гг., совершенно открыто под руководством бывших начальников отделений ЭДЕНБЕРГА, ШЕСТОВИЦКОГО, КОННОВА и начальника отдела ИВАНОВА проводил расследование дел с нарушением социалистической законности. Никто из оперативных работников, в том числе и я, не думали, чтобы через восемнадцать лет нам придется нести ответственность. В данное время мне стало ясно, что в период 1937-1938 гг. бывшими сотрудниками 3 отдела УНКВД Новосибирской области, в том числе и мной, допускалось грубое нарушение социалистической законности, как при аресте советских граждан, так и при производстве следствия в отношении арестованных лиц, о чем я показал выше.

Вопрос: Чем желаете дополнить свои показания?

Ответ: Дополнить свои показания по существу дела ничем не могу, но хочу пояснить, что на допросе 12 октября 1955 года по вопросу фактов нарушения социалистической законности бывшими сотрудниками 3 отдела УНКВД Новосибирской области при производстве массовых арестов советских граждан и при расследовании дел в период 1937-1938 гг. я дал не совсем правильные показания, это получилось потому, что я работал в 3 отделе периодически, поэтому рассчитывал, что по фактам нарушения социалистической законности должны дать показания в первую очередь штатные работники 3 отдела, которые

бесспорно должны больше знать по этому вопросу, чем я, но в связи с тем, что допрос стал вестись по конкретным фактам и конкретным лицам, я тогда пришел к заключению о необходимости дачи правдивых показаний и на последующих допросах показал все так, как оно было в действительности.

Протокол допроса записан с моих слов верно,

лично читал — А. ПУГАЧЕВ

Допросил: Помощник военного прокурора ЗАПСИБВО
подполковник юстиции Чурляев

Копия верна: Помощник военного прокурора СИБВО
подполковник юстиции Подпись Чурляев

ЦДНИТО. Ф-607. Оп.1.Д.2538. Л. 160-163.Копия. Машинопись.